

der von Interciza. Die spätrömische Südostfriedhof. Budapest, 1976.—ВДИ, 1979, № 4, с. 164—170.

²³ ND, or. XXXI, 55, 56, 63, 46, 51, 61, 62; XXVIII, 25, 26, 33.

²⁴ Dexipp. fragm. 24.

²⁵ V á r a d y L. Op. cit., p. 360.

²⁶ M o m m s e n Th. Op. cit., S. 279—283.

²⁷ D e m a n d t A. Magister militum.—PWRE, 1970, Hbd. XII, Sp. 708—709.

²⁸ PLRE, v. 1, p. 1118—1120.

²⁹ Ibid., p. 1124—1127.

³⁰ W a a s M. Op. cit., S. 14.

³¹ M ü l l e r A. Militaria aus Ammianus Marcellinus.—Philol., 1905, Bd. 65, S. 602—608.

³² R e m o n d o n R. Problemes militaires en Egypt et dans l'Empire à la fin du IVe siècle.—Revue historique, 1955, t. 213, p. 34, 29—30.

³³ Them. Orat., XVI, 207a; XV, 189d; Zos., IV, 58, 2.

³⁴ CTh, VII, 22, 9; 2, 1; 1, 12; 9, 3; 4, 18; VIII, 2, 1; IX, 14, 2.

³⁵ H o f f m a n n D. Op. cit., Bd. 1, S. 468.

³⁶ D e m a n d t A. Op. cit., Sp. 725. Можно ли считать варваром Стилихона, сына римского офицера вандалского происхождения?

³⁷ PLRE, v. 1, p. 1120—1121.

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВИЗАНТИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА В СЕРЕДИНЕ 70-х гг. V в.

Советской историографией установлено, что идейная борьба, в том числе и конфессиональная, а также политические лозунги в ранней Византии отражали в конечном счете социальное развитие определенных слоев и групп населения в условиях отмирания позднеантичных и формирования элементов раннефеодальных отношений¹. Продолжая изучение политической оппозиции правительству Византии², в данной статье мы попытаемся рассмотреть вопрос, практически не исследованный в византиноведении: конкретное социальное содержание основных направлений этой оппозиции в середине 70-х гг. V в.— на первом этапе правления Зинона и главным образом в период правления Василиска³.

Следует отметить, что к указанному времени в Византии определилось два основных направления оппозиции в среде господствующего класса. Первое направление формировалось из египетской и левантийской торгово-ростовщической и землевладельческой знати, окрепшей на базе крупных провинциальных центров в первой половине V в.⁴ Часть этой знати была заинтересована в экономических связях с Константинополем и пыталась добиться большего влияния в столице через церков-

ный аппарат, ослабление позиций столичных ктиторов, поддерживаемых военно-служилой знатью. Часть первого направления оппозиции резко выступала против решений Халкидонского собора 451 г. и апеллировала к народным массам. Это была одна из причин уступок столичных ктиторов в пользу военно-служилой знати, призванной нивелировать оппозицию. Отсюда понятно возвышение в 60-е гг. V в. военного клана Аспаридов, а затем исаврийских вождей⁵.

Второе направление оппозиции составляли в основном провинциальные крупные землевладельцы, менее зависимые от развития крупных городов и экономических связей со столицей⁶. Оно оживилось в 50-х гг. V в., когда в провинциальных движениях (особенно в Египте) проявилась, наряду с прочими тенденциями, сепаратистская⁷.

До сентября 473 г. император Лев I провозгласил Августом своего внука Льва II, сына видного исаврийского военачальника Зинона и принцессы Ариадны (Const. Porph., De seg., p. 431). 18 января 474 г. Лев I скончался. Семилетний Лев Малый «объявил» Зинона соправителем. Ряд источников сообщает, что Лев II проделал это под влиянием матери и бабки (Евагрий, с. 92; Malal., p. 376.8—10; Theoph., p. 184.5—7). Но, видимо, справедливо положение, высказанное еще В. Бартом, что коронация Льва II проводилась лишь для успокоения недовольных⁸. Наряду с поддержкой Зинона частью провинциальной знати в городах, особенно в столице, существовала сильная оппозиция исаврам. В этом отношении показательна обстановка коронации Льва II. «Выборы» императора были перенесены с военного поля в Эвдоме на столичный ипподром (Cedr., p. 614.14—15; Const. Porph., De seg., p. 431). Очевидно, это должно было уменьшить участие в церемонии исаврийских отрядов. В самом деле, солдаты, присутствовавшие на ипподроме, приветствовали императора по-латыни, что исавры сделать бы не смогли. Возможно, на ипподроме были отряды, набранные из фракийских областей⁹. Если так, то традиционное для такого обряда обещание короновавшегося выдать солдатам по пяти солидов и фунту серебра (Const. Porph., De seg., p. 431) могло означать попытку столичной знати опереться на эти силы в противовес исаврам. Активное участие в «выборах», по Константину Багрянородному, приняли народ столицы, сенаторы, городские магистраты и патриарх. Автор «Жития Даниила Стилита» сообщает, что над Львом II взял опеку сенат (V. Danieli, p. 185.12—14).

Однако в Константинополе было немало и сторонников Зинона. Старания Льва I передать в свое время власть зятю (Candid., p. 443.2—4), очевидно, опирались на мнение известных групп знати. «Житие Даниила» сообщает, что сенаторы «сочли справедливым, чтобы отец его (Льва II.—А. К.) Зинон взял скипетр императорской власти» (V. Danieli, p. 185.14—15).

По Кандиду, Лев II короновал Зинона с согласия сената (Candid., р. 443.8). Но ясно, что отрицательное отношение к Зинону части столичной знати исключало переход верховной власти к Зинону непосредственно после смерти Льва I. Однако вскоре Лев II умер. Виктор Тунунский пишет, что Зинон желал «убить сына и достичь власти» (Vict. Tonn., р. 188.31—32). Более поздние источники приписывают Зинону отравление Льва II¹⁰. Тем не менее с первых дней правления Зинон столкнулся с серьезными внутри- и внешнеполитическими трудностями, в том числе с сильным противодействием верхушки столичных и части провинциальных ктиторов. Иешу Стилит указывает, что к Зинону «была ненависть у дворцовых людей» (Иешу Стилит, с. 132). По Феофану, в то время как в Месопотамию вторглись сарацины, а во Фракию — гунны, император предавался распутству и «занимался незаконными делами» (Theoph., р. 186.2—3). Феофан солидарен с Евагрием, считавшим, что, потакая своему сластолюбию, добравшийся до власти Зинон «судил худо и рабски» (Евагрий, с. 125; ср.: Niseph., XVI, I). Пороки Зинона дают Евагрию повод к рассуждению о добродетелях императора¹¹. Не следует забывать, что Евагрий по взглядам был близок к привилегированной антиохийской интеллигенции, связавшей себя со службой местной церковной верхушке и императору¹². Очевидно, таково было отношение к Зинону этих социальных групп.

Самые критические высказывания в адрес императора-исавра сохранились у Малха Филадельфийца, отразившего недовольство столичных родовитых и частично провинциальных ктиторов, связанных с крупными городами. Малх писал, что при Зиноне казна находилась в крайней нужде; оставленное Львом состояние было расстроено — в пользу любимцев Зинона, не позаботившихся установить контроль над сбережением доходов (Malch., р. 391.11—17). Император был невоинствен (Ibid., р. 388.23) и предпочитал улаживать дела с варварами переговорами и дарами. При Зиноне произошли изменения в правящей верхушке: с поста префекта претория ушел Эрифрий, «один из участвовавших тогда в управлении государством, который родился для блага всех». Эрифрий, по Малху, оставил должность, не желая увеличивать налоги и взыскивать недоимки; столичные жители были опечалены (Ibid., р. 391.6—9). А. Джонс считал, что Зинона ненавидела сенаторская аристократия как выскочку и как исавриец он был непопулярен в массе народа и армии; единственной надежной опорой его были исавры, которым он роздал руководящие посты¹³. Подобная оценка оппозиционных Зинону сил представляется не совсем верной хотя бы потому, что не все сенаторы относились к новому правительству с враждой и не все исавры безоговорочно его поддерживали. Как указывалось, часть сенаторов способствовала выдвижению Зинона. Василиск же, брат Верины,

вдовы Льва I, претендуя на трон, сумел склонить на свою сторону Илла, одного из видных исаврийских вельмож, командовавшего солидными силами (Ioann. Ant., fragm. 210). Следовательно, чтобы получить представление об оппозиции правительству Зинона, сведения de insidiis следует рассматривать применительно к конкретной ситуации.

Слабость позиций Зинона проявилась уже в 475 г. Источники приписывают инициативу заговора вдове Льва I Верине, давно выдвигавшей Василиска в преемники своему супругу (Candid., p. 443.11—13; Ioann. Ant., fragm. 210). Скандальный провал антивандальной экспедиции 468 г. скомпрометировал Василиска, поговаривали даже о подкупе его Гейзерихом¹⁴. Возможно, столичную знать настораживали и связи Василиска с Аспаром. Во всяком случае, в 474—475 гг. Верина ориентировалась уже на Патрикия, представителя столичной аристократии¹⁵. Однако позиции этой группировки, как показало время, были неустойчивы. Василиск же, используя нестабильное положение правительства, вербовал сторонников из оппозиционных сил весьма разнородной ориентации. Вначале Василиска поддерживали три группировки:

1. Часть столичной знати во главе с Арматом, популярным среди столичного плебса (демои) благодаря своим демагогическим приемам (Malch., p. 394.13—19). Группировка Армата, видимо, не отличалась по социальному составу от той, на которую опирались Верина и Патрикий. По крайней мере, Армат быстро нашел с Вериной общий язык в заговоре против Зинона (Ioann. Ant., fragm. 210), затем оказал ей содействие в бегстве из столицы (Candid., p. 443.27—29), а еще позже перешел на сторону Зинона. Вероятно, Армат располагал определенным авторитетом в войсках. При Льве I он принимал активное участие в подавлении каких-то волнений во Фракии (Malch., p. 394.27—29). Василиск, придя к власти, назначил Армата *magister militum praesentalis* (Malal., p. 379.5).

2. Часть исаврийской знати во главе с Иллом, позже личным другом Зинона (Iord., Rom., p. 45.16). Очевидно, Илл отражал интересы части военно-племенной верхушки исаврийских кланов, заинтересованных в автономии своих владений и большем политическом весе, нежели это позволяла группа Зинона. Очевидно, в оппозиционности Илла проявился и трибаллизм исаврийских общин и знатных родов. Известны связи Илла с килийским городом Тарсом, возможно, его родиной¹⁶. В середине 80-х гг. V в. Илл санкционировал коронацию узурпатора Леонтия именно в Тарсе (Theod. Lect., II, 3; Eustaph., fragm. 4; Ioann. Ant., fragm. 214.2; Malal., p. 388.17—20), а позже отсиживался в крепости этого региона¹⁷.

3. Часть расквартированных во Фракии остготов в главе с Теодорихом Страбоном. Грабежи Теодориха во Фракии, кровавые расправы с земледельцами, осуществленные им вместе

с Арматом (Malch., p. 399.27—31), делали его в глазах Василиска удобной карательной силой. Позже Зинон признавал важность поддержки Василиска Теодорихом (Ibid., p. 399.31—400.2). Но готские отряды были ненадежной и опасной опорой узурпатору.

Видно, что все три группировки серьезно отличались друг от друга по своему социальному составу. Каждая в конечном счете преследовала свои цели. Общими для них являлись оппозиционность правительству Зинона и временное совпадение тактических задач. Все три опирались на воинские контингенты, что было важно для Василиска.

Источники отводят в перевороте мало места Иллу и Страбону, делая акцент на активность столичной знати. Таковы уже указанные сведения Малха и Кандида. По «Житию Даниила Стилита», против Зинона были настроены его родичи, а также «остальные из сената» (V. Danieli, p. 185.25—26; ср.: 186.16—21). По Малале, Зинон устранился, как бы его не убил кто-либо из «лиц при дворце» (Malal, p. 377.9—10). Аналогичны сведения «Пасхальной хроники» (Chron. Pasch., p. 600.6). Все источники сходятся также в том, что Верина лицемерно предупредила Зинона о заговоре и склонила его к бегству. Зинон бежал, сопровождаемый отрядом исавров, на родину. Василиск, подошедший к столице из Гераклеи, был объявлен императором на военном поле в Эвдоме (Theod. Lect., I, 29; Theoph., p. 186.16—17; Cedr., p. 615.17—22). Обряд демонстрировал опору Василиска на военную силу. Коронация Василиска, проведенная «находящимися у власти лицами» (Candid., p. 443.15—17), смешала карты фракции Верины. Этот факт показал, что Василиск нашел опору среди части столичной знати и что прочность фракции Верины, видимо, не имевшей серьезной поддержки в войске, слаба. Верина оказалась в оппозиции, а после казни Патрикия Василиском стала снабжать Зинона деньгами (Ibid., p. 443.22—26).

Казнь Патрикия, третирование Верины, жалобы сенаторов на притеснения Василиска (Theoph., p. 192.7—8) — свидетельство того, что Василиск видел в столичной знати лишь одно из средств для захвата трона и серьезных видов на нее не имел. Исавров же узурпатор рассматривал как временную силу против противника. Недаром вскоре после бегства Зинона в столице произошло массовое избиение исавров (Candid., p. 443.17—18). Возможно, здесь сказалось и влияние Теодориха Страбона, заявившего, что для императорского войска будет достаточно одних готов (Malch., p. 400.1—2). Думается, в этих событиях проявился и нажим городских корпораций, ненавидевших исаврийскую военную знать. Возможно, определенную роль тут сыграли и столичные ктиторы. Так или иначе, расправа с частью исавров должна была подействовать на Илла, отправленного вместе с братом Трокундом в Исаврию для осады Зинона.

Сенаторы слали Иллу письма, протестуя против произвола Василиска; кроме того, узурпатор не спешил выполнять данные Иллу обещания (Theoph., p. 192.5—8). Все это способствовало переходу Илла и Трокунда на сторону Зинона.

Но гораздо важнее, на наш взгляд, то, что непосредственно после коронации Василиск обнаружил ориентацию на часть египетской и сирийской торгово-ростовщической и землевладельческой знати, оппозиционной правительствам Льва I и Зинона. Узурпатор сделал магистром официий своего врача александрийца Феоктиста, брата монаха Феопомпа, находившегося тогда в столице в составе делегации монахов Египта (Zachar., S. 59). «Как только эти монахи явились перед ним, император, великие и императрица удивились им; но им помогли и магистр Феоктист, и епископ Акакий, и Василиск приказал, что Тимофей (Элур.—А. К.) должен вернуться» (Ibid.). По Евагрию, Василиск вернул из ссылки мятежного Элура в Египет по просьбе посольства александрийцев (Евагий, с. 127). Патриарх Акакий выделил в распоряжение Тимофея церковь и штат клириков (Zachar., S. 59). Благоклонное отношение «великих» (очевидно, части правящей верхушки) к просьбе александрийцев на этом этапе борьбы, наверное, было тактическим приемом. По крайней мере, Акакий быстро изменил свою позицию, заподозрив, что на его место хотят поставить Феопомпа (Ibid., S. 59. 27—29). Но помешать прибытию Тимофея он уже не мог. Элур был принят в столице «конвоем из александрийских моряков и народа, что находился в Константинополе» (Ibid., S. 59.31—34). Совершенно ясно, что через Тимофея Василиск пытался опереться на александрийскую торговую знать, заинтересованную в укреплении своих позиций в столице. Однако ориентация на эту социальную группу таила для господствующего класса опасность радикализации городских движений. Ведь, по Захарию Ритору, с Тимофеем сблизилось «много народа» (Ibid., S. 59.34—35). По Феофану, Элур собрал «беспорядочных александрийцев, постоянно проживающих в Византии» (Theoph., p. 187.6—7; ср.: Cedr., p. 617.7—8). Аналогичны сведения Теодора Лектора (Theod. Lect., I, 30).

Усиление «партии Элура» вынудило Василиска к дальнейшим уступкам, так как «Тимофей и его сопровождение и находившиеся там ради него убеждали императора» (Zachar., S. 60). Была выпущена энциклика, проклинающая «томос» папы Льва и постановления Халкидонского собора¹⁸. Выход энциклики сопровождался нажимом на патриарха Акакия, но тот уклонился от присоединения к ее декларациям (Ibid., S. 60.25—28). Подписи поставили Петр Валяльщик, возвращенный Василиском в Антиохию, Павел Эдесский, «епископы Азии и Востока, Анастасий Иерусалимский и лица из его области» — всего около 700 (если верить Захарию) епископов

(Ibid., S. 62.22—30). Это свидетельствует об определенной поддержке Василиска частью городской знати Малой Азии, Сирии, и Палестины. Но само по себе подписание энциклики говорит, что эти слои поддерживали только намерение правительства отойти от политики «халкидонцев». Время показало, что Василиск переоценил силы монофизитов. Последние не располагали единой организацией, каковой была православная церковь, и были сектантски разобщены¹⁹. Их не поддерживали и солидные группы военно-служилой знати. Ставка на Тимофея Элура и ему подобных лиц, активизировавших своими проповедями городские низы и монашество, оттолкнула от Василиска поддерживавшие его до переворота или просто нейтральные группы знати.

Первой отреагировала столичная знать. Уже упоминалось недовольство Василиском сенаторов, Верины и, возможно, Армата. Узурпатор, взимавший «с епископов деньги» и вообще алчный (Malch., р. 391.30—31), осуждался Малхом. Отвращение историка вызывает то, что Василиск не брезговал сбором средств с лиц самых презренных профессий. «И все было полно слез из-за взимания таких податей» (Ibid., р. 392.4—6). В результате оказавшаяся в оппозиции знать могла мобилизовать много сторонников из торгово-ремесленной среды не только критикой ереси Василиска, хотя основным лозунгом оппозиции была борьба за соблюдение «халкидонства». Недаром первое столкновение Элура со столичным монашеством носило вид богословского спора (Zachar., S. 64.20). В то же время лозунг этих монахов «Мы не имеем ничего общего с alexandрийцами» (Ibid., S. 65.8—9), очевидно, отражал не только религиозный конфликт. Открытая ориентация Тимофея (а через него Василиска) на египетскую торгово-ростовщическую знать вызвала тревогу в первую очередь у тех групп знати, которые боялись конкуренции и засилия «александрийцев».

К этому времени нарушилось единство в правящей верхушке. Евтихиане, «присоединившиеся» к столичному монашеству, убеждали императрицу Зинониду, их единомышленницу, «чтобы Тимофей снова был смещен» (Ibid., S. 65). Напряженная атмосфера в столице вынудила Феоктиста потребовать от Тимофея «покинуть город и тотчас же отправиться в Александрию» (Ibid., S. 65.15—17). Видимо, сторонники Элура из народных масс вызвали тревогу даже у этого представителя александрийской знати, ставшего столичным чиновником. Уход Тимофея из Константинополя отражал раскол социальных и политических сил, на которые пыталось опереться правительство Василиска. Вместе с тем удаление Тимофея было успехом столичной знати.

Правительство попыталось укрепить свои позиции в провинциях. Тимофей, достигнув Эфеса, собрал собор и восстановил на кафедре прежде смещенного епископа Павла (Ibid.,

С. 65.17—21). Возвращение Элур в Александрию вылилось в демонстрацию его приверженцев — «разгрузчиков кораблей и славославящих из людей всех возрастов и всех наций, которые были там», «священников и монахов и сестер во Христе, и вообще всего народа» (Ibid., S. 65.25—32). Видя такую «любовь города» к Тимофею, в демонстрации приняли участие и лица из «партии» епископа Протерия (Ibid., S. 65.28—29). Однако единство участников демонстрации было мнимым. Вскоре часть александрийской знати, возглавляемая епископом Феодотом, отделилась от Тимофея, сожалея о своем «новопомазании» (Ibid., S. 66). Затем в среде горожан было возбуждено подозрение, что Элур общается с евтихианами и префектом Боэцием, ставленником Константинополя. Лишь публичное проклятие Тимофеем евтихиан вернуло ему доверие «народа» (Ibid., S. 67). Таким образом, правительство не смогло закрепить свою опору на александрийскую торгово-ростовщическую знать в целом.

Между тем Акакий открыто встал во главе враждебной Василиску столичной знати. Этот шаг главы столичного духовенства был ускорен тем, что результатом пребывания Тимофея в Сирии было принятие тамошними епископами решения созвать в Иерусалиме собор для низложения Акакия и замены его Феопомпом (Ibid.). Такая попытка части провинциальной знати нанести ущерб оппозиционным столичным ктиторах и их сторонникам в условиях разлада в среде сторонников Василиска явилась авантюрой. Используя аппарат церкви, Акакию удалось «натравить монахов» (Ibid.), обратиться к собравшемуся в церкви народу и мобилизовать архимандритов (V. Danieli, p. 188.21 sq., 189.1 sq.). «Весь город, стекшись в церковь, восстал против Василиска»; святой Даниил, сойдя со столпа, «участвовал в собраниях народа и Акакия» (Theod. Lect., 32). Тогда Василиск запретил сенату контактировать с Акакием (Ibid., I, 33), что свидетельствует о связях столичной церковной верхушки и светской знати. «Боясь народного раздражения» и угроз поджечь город, Василиск удалился из столицы (Ibid., I, 33). Но угрозы осуществились: разразился пожар (Malch., p. 393.15—27; ср.: Cedr., p. 616.2—17; Zonar., p. 256.23—257.8). Даниил, собрав монахов и плебс, направился из города к стану Василиска. Монах Олимпий держал перед узурпатором смелую речь (Theod. Lect., I, 33). Карательных санкций не последовало, так как в городе, видимо, не было солидных воинских частей: определенный их контингент ушел с Арматом осаждать Зинона, а Теодорих Страбон успел к этому времени занять враждебную Василиску позицию. Таким образом, народное восстание в известной мере было инспирировано определенными оппозиционными группами господствующего класса. Движение совпало с укреплением позиций Зинона, которого открыто стал поддерживать Армат (Malal., p. 379.9—15; Chron. Pasch., p. 601.5—11).

Зинон также завязал переговоры с Теодорихом, сыном Теодемира, находившимся в Новах (Аноп. Vales., ps. 2, p. 314.15—18). Результатом ослабления Василиска было издание антиэнциклики (Евагрий, с. 135), отменявшей сделанные правительством в церковной сфере распоряжения. Акакию возвращалось право рукоположения епископов оппозиционных епархий (Евагрий, с. 136; Theod. Lect., I, 34). Так была сделана попытка правительства примириться со столичной знатью. Однако, не располагая военными силами, Василиск, скомпрометированный былыми преследованиями этой знати и заигрыванием с провинциалами, враждебно настроенными к Константинополю, остался одинок.

Войска Зинова без помех вошли в город. Василиск бежал в церковь, но был выдан Акакием, заточен в Каппадокии и заморен голодом (Евагрий, с. 137; Candid., p. 444.7—11; Theod. Lect., I, 35—36; Marc. Comes, p. 91.10—12; Vict. Tonn., p. 189.9—11).

Захват власти Василиском был весьма сложным выступлением ранее оппозиционных провинциальных групп знати против авторитарной политики знати столичной, которую вслед за Львом I взялся проводить Зинон. На первых порах Василиска поддержала часть столичной аристократии и димотов, недовольная засилием исаврийской верхушки. Однако Василиск стал ориентироваться не на столичную верхушку, а на сирийскую и египетскую знать. Он пошел на союз с частью исавров, провинциального клира и теми константинопольскими ктиторами, которые стояли за расширение связей с провинциальной знатью. Последнее объясняет попытку утвердить в столице авторитет Тимофея Элуря.

Особенность рассматриваемого этапа развития оппозиции — серьезный, но временный успех первого ее направления, выразившийся в создании правительства Василиска. В период его правления в оппозиции оказалась уже столичная знать. Но отсутствие единства в среде сторонников Василиска и радикализация городских движений, вызванная налоговой политикой правительства и агитацией верхушки монофизитского клира, сузили социальную опору узурпатора. Накал социальной атмосферы еще раз убедил господствующий класс, что стабилизацию пока можно обеспечить лишь методами военной диктатуры, проводимой Константинополем. Провинциальная городская знать, как и в первой половине V в., не сумела закрепить свои политические позиции в центре. Власть вернулась к Зинону, потому что в данный момент его опора на часть исаврийских контингентов, стремившихся подавить оппозицию, и готовность обеспечивать интересы столичной знати объективно отвечали интересам большей части господствующего класса Византии.

¹ См., напр.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Л., 1962, с. 251—252; Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV—VI вв.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1, с. 159—160; Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 319—328; Она же. Некоторые нерешенные проблемы византийской культуры.— ВВ, 1980, т. 41, с. 57, 59.

² См.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50 — начале 70-х гг. V в.— В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983.

³ Историографию проблемы см.: Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в конце IV — начале VI вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1975, с. 3—8; Косвенно к проблеме подходит в своей статье А. Липпольд. См.: Lippold A. Zenon, römischer Kaiser 474—475 und 476—491.— PWRE, 1972, Bd. 10 A, 19 Hbd., R. 2, Sp. 149 sq.

⁴ Ср.: Norman A. F. Gradations in later municipal society.— JPS, 1958, т. 48, p. 84.

⁵ Козлов А. С. Политическая оппозиция..., с. 12—14.

⁶ Несколько преувеличивает значение этой знати в указанное время Ж. Даргон. См.: Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974, p. 185.

⁷ О политических тенденциях этой знати см.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 159.

⁸ Barth W. Kaiser Zeno. Basel, 1984, S. 20—21.

⁹ Ср.: Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913, т. 1, с. 395, примеч. 2.

¹⁰ Barth W. Op. cit., S. 21, Anm. 3.

¹¹ Удалцова З. В. К вопросу о мировоззрении византийского историка. Евagriя.— ВВ, 1969, т. 30, с. 67.

¹² Там же, с. 72.

¹³ Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964, v. 1, p. 224.

¹⁴ Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968, p. 36.

¹⁵ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Wien, 1928. Bd. 1. Vom römischen zum byzantinischen Staate, S. 536.

¹⁶ Nagl A. Illos.— PWRE, Bd. 9, Hbd. 18, Sp. 2533. 21—36.

¹⁷ Ibid., Sp. 2359. 12—34.

¹⁸ Langen J. Geschichte der römischen Kirche. Bonn, 1885, S. 128.

¹⁹ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918, т. 4, с. 332 сл.

Т. М. ЧЕРВОНАЯ
Горьковский университет
Н. С. ШИРОКОВА
Ленинградский университет

ФРАНЦУЗСКИЙ СЕРВАЖ И АНТИЧНОЕ РАБСТВО

Старая феодальная Франция оставила замечательное завещание историкам — провинциальные кутюмы. Наиболее полно они были записаны в XVI в., когда их попытались и кодифицировать. Тогда же лучшие юридические умы, и среди них Ш. Дюмулен, Кр. де Ту, Э. Паскье, Ги де Кокиль, Куяций, прокоммен-